

6. *Mackensen, Lutz* Ursprung der Wörter. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache [Text] / Lutz Mackensen. – VMA : Verlag Wiesbaden, нет даты издания. – S. 446.
7. *Mills, A. D.* A Dictionary of British Place-Names [Электронный ресурс] / A. D. Mills. – Encyclopedia.com., 2003. – Режим доступа : <http://www.encyclopedia.com>.
8. *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von Matthias Lexer.* Zugleich als Supplement und alphabetischer Index zum *Mittelhochdeutschen Wörterbuche von Benecke-Müller-Zarncke* [Электронный ресурс]. – Stuttgart : S. Hirzel, 1992. – <http://www.dwb.uni-trier.de/index.html>.
9. *Mittelhochdeutsches Wörterbuch.* Mit Benutzung des Nachlasses von Georg Friedrich Benecke ausgearbeitet von Wilhelm Müller und Friedrich Zarncke [Электронный ресурс]. – Stuttgart : S. Hirzel, 1990. – Режим доступа : <http://germa83.uni-trier.de/MWV-online/MWV-online.html>.
10. Online etymology dictionary [Электронный ресурс]. – Douglas Harper, 2001. – Режим доступа : <http://www.etymonline.com>.
11. *Aue, Hartmann von.* Der arme Heinrich [Text] / Hartmann von Aue. – Stuttgart : Reclams Universal-Bibliothek, 2006. – S. 135.
12. *Straßburg, Gottfried von.* Tristan [Text] / Gottfried von Straßburg. In 2 Bänden. Band 1. – Stuttgart : Reclams Universal-Bibliothek, 2007. – S. 595.
13. *Straßburg, Gottfried von.* Tristan [Text] / Gottfried von Straßburg. In 2 Bänden. Band 2. – Stuttgart : Reclams Universal-Bibliothek, 2007. – S. 590.
14. *Veldecke, Heinrich von* Eneasroman [Text] / Heinrich von Veldecke. – Stuttgart : Reclams Universal-Bibliothek, 1986. – S. 895.
15. Wikipedia (die freie Enzyklopedie) [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа : <http://de.wikipedia.org>.

УДК 811.1

ББК 81.2

А.П. Седых, Е.Е. Феоктистова

КЛЮЧЕВЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье рассматриваются способы вербализации универсальных концептов во французском языке. Проводится сопоставительный анализ коррелирующих концептов русской лингвокультуры. Намечаются перспективы исследования ключевых концептов во французской лингвокультуре.

Ключевые слова: концепт; лингвокультура; вербализация; национальная концептосфера.

A.P. Sedykh, E.E. Feoktistova

KEY CONCEPTS IN THE FRENCH LINGUISTIC CULTURE

The article considers the ways of verbalization of universal concepts in the French language. A comparative analysis of correlating concepts of the Russian linguistic culture has been accomplished. Perspectives of the investigation of key concepts in the French linguistic culture have been discussed.

Key words: concept; linguistic culture; verbalization; concept domain.

Теория «концепта» оперирует на стыке лингвистики, литературоведения, культурологии, этнопсихологии и многих других наук. Ключевые национальные концепты имеют специфические признаки реализации в языковой картине представителей каждой этнокультурной общности. Каждый концепт имеет конкретные способы этнокультурной вербализации, которые могут быть выявлены с учётом их семиотической релевантности для

лингвокультуры. Семиотическая значимость того или иного концепта определяется, прежде всего, степенью его языковой и, как следствие, коммуникативной освоенности.

Мы выдвигаем следующее положение: значимые для культуры концепты не только активно используются в обществе, но и испытывают влияние языковых форм, вербализующих тот или иной концепт. В наши задачи входит установление содержания некоторых ба-

зисных для французской культуры концептов и анализ лингвистических средств, репрезентирующих национальные концепты. В центре внимания находится ключевое слово, представляющее концепт. При этом допускается, что концепты могут быть не всегда представлены только ключевыми словами. Для достижения поставленной цели в качестве оптимизации процесса выявления сущностных признаков французских концептов мы проводим их сопоставительный анализ с ключевыми концептами русской лингвокультуры.

Начнем с выяснения операциональных границ термина «ключевой национальный концепт». Концепт понимается, с одной стороны, как «глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания» [Попова, Стернин, 1999, с. 4], с другой стороны, как «сгусток культурной среды в сознании человека (...) основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 2001, с. 42–43]. По мысли автора термина С. А. Аскольдова-Алексеева (1928), в понятии концепта отражается заместительная функция определенного мыслительного образования в процессе осмысления множества предметов одного и того же рода: «Это сгусток мысли, обобщенный образ, созданный национальным сознанием народа-языкотворца, вложившего в него свой многовековой опыт нравственных оценок бытия» [Аскольдов-Алексеев, 1997, с. 267].

Таким образом, по концептосфере национального языка можно весьма точно судить о культуре этноса, о его нравственных законах, этических традициях, психологии, об отношении к другим нациям, о духовных устремлениях, об отношении к материальным ценностям, иначе говоря, о сущностных компонентах общенационального мировосприятия и ориентирах коммуникативного поведения.

Мы определяем термин «ключевой национальный концепт» следующим образом: приоритетный способ рационального и чувственного освоения действительности, специфический для (супер)этноса и индуцируемый общенациональным языком. Термин «ключевой национальный концепт» коррелирует с содержанием термина «концепт-универсалия», который трактуется как интеркультурная универсалия, дифференцировано вербализующаяся в различных языках. К концептам-

универсалиям можно отнести концепты «любовь», «судьба», «справедливость», «счастье» и др. Подобные концепты интегрированы в лингвокультурное пространство любой концептосферы, но имеют специфические семиотические признаки функционирования и различную степень номинативной плотности в каждой отдельно взятой языковой культуре.

Мы разделяем точку зрения Н.В. Уфимцевой о том, что «национально-культурные характеристики определенных концептов (так называемых *культурных таксонов*) прочно укоренились в сознании представителей конкретных этносов, связанных для каждого из них с интуитивными представлениями о действительности как на уровне бытийного, так и на уровне рефлексивного сознания» [Уфимцева, 2000, с. 4].

Так, в сознании русских наблюдается стремление высказывать абсолютные моральные суждения и связывать их с эмоциями, так же как и акцент на «абсолютном» и «высших ценностях» в культуре в целом [Вежицкая, 1999, с. 267]. Предположим, что подобная ориентированность семантики речи может быть обусловлена наличием и особенной важностью концептов «судьба», «душа», «тоска» в концептосфере русского народа. В этом плане интересно проанализировать и сопоставить репрезентации этих концептов в русском и французском языках.

Концепт «судьба» занимает важнейшее место в менталитете русских. Слово «судьба» определяется следующим образом: 1. Складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств (по суеверным представлениям – сила, предопределяющая все, что происходит в жизни, рок). 2. Участь, доля. 3. История существования и развития чего-либо// Дальнейшее существование, будущность [Бархударов, 1961].

Рассматриваемый концепт передается в целом ряде образных фразеологизмов и словосочетаний: «искушать судьбу», «игра судьбы», «ирония судьбы», «перст судьбы», «удары судьбы», «какими судьбами», «устроить свою судьбу», «на произвол судьбы», «от судьбы не уйдешь», «проклинать (благодарить) свою судьбу», «не судьба» и пр.

Слово «судьба» имеет следующий синонимический ряд: 1. рок (*высок*); фатум, фортуна (*книжн.*); парки (*уст. книжн.*); судьбина (*уст. и народно-поэт.*); 2. участь, удел, доля; талант, счастье (*прост.*); жребий (*уст. и прост.*); часть (*уст.*); планета (*уст. разг.*); планида (*уст. прост.*); жребий (*уст. поэт.*); 3. см. будущность.

В мифологическом сознании русского народа понятие судьбы связывалось с понятием руки (по мифологическим представлениям, судьба записана на ладони руки): ср. перст (судьбы) → рука → рок [Маковский, 1996, с. 312–313]. Слово «судьба» присутствует в обозначении сферы эмоций и морали: «Ох! горька твоя судьбина, Русская земля!» (Некрасов), «Какими судьбами?» (восклицание при неожиданной встрече), «От своей судьбы не уйдешь» и пр.

Анализ отмеченных дефиниций и употреблений приводит к выводу о том, что языковые репрезентации концепта «судьба» в большей степени представлены значениями фатальности, непредсказуемости и смиренности.

Во французской концептосфере понятие «судьба» вербализуется в словах: *destin, destinee, fatalite, fatum, necessite, hasard, avenir, fortune, etoile, sort, lot, existence, vie* – и обозначает: 1. *puissance mysterieuse qui fixerait le cours des evenements* (таинственная сила, которая направляет ход событий); 2. *existence humaine consideree comme independante de la volonte* (человеческое существование, рассматриваемое как независимое от воли человека); 3. *le cours de l'existence considéré comme pouvant être modifié par celui qui la vit* (ход существования, рассматриваемый как могущий быть измененным тем, кто его проживает).

Для передачи концепта «судьба» французский язык использует следующие слова и выражения: *La loi du destin* (закон судьбы), *les arrêts du destin* (приговор судьбы), *croiance au destin, fatalisme, inévitabilité, destin aveugle (cruel, impitoyable), c'était écrit, c'était fatal, tournant du destin, être responsable de son destin, décider de son destin, être né sous une bonne (mauvaise) etoile, quel bon vent vous amène?, par les caprices du sort, le sort n'a pas voulu qu'il...* (не судьба ему...).

Итак, наряду со значениями фатальности и непредсказуемости, концепт «судьба» представлен во французском языке семемой управляемость (третья дефиниция), что говорит о сниженном эмоциональном заряде рассматриваемого понятия во французской концептуальной парадигме.

Концепт «душа» имеет совершенно особый статус в менталитете русского народа. Словарь дает следующие определения слова «душа»: 1. Внутренний психический мир человека; его переживания, настроения, чувства и т.п. // В идеалистической философии и психологии: особое нематериальное начало, существующее якобы независимо от тела и являющееся носителем психических процессов. // По религиозным представлениям: бессмертное нематериальное начало в человеке, отличающее его от животных и связывающее его с богом. 2. Совокупность характерных свойств, черт, присущих личности; характер человека. // Чувство, воодушевление, темперамент. // О хорошем, чутком, отзывчивом человеке. 3. Человек (обычно при указании количества). 4. Дружеское фамильярное обращение. 5. Самое основное, главное, суть чего-либо. // Вдохновитель чего-либо, руководитель, организатор.

(*сф.*) Полное описание употреблений слова не входит в задачи нашей статьи. Приведем лишь наиболее значимые из них, с точки зрения абсолютности суждений и эмоциональной наполненности семантики: «чужая душа – потемки», «величие души», «мелкая душонка», «широкая душа», «(не) по душе», «запасть в душу», «обнажать (раскрывать, распахивать) душу», «черствая душа», «надирать душу», «еле-еле душа в теле», «вышибить душу», «всеми фибрами души», «разрывать (раздирать) душу (на части)», «держать (иметь, хранить, скрывать) за душой», «душа (не) лежит», «омыть душу», «покривить душой», «плюнуть в душу», «излить душу», «душа пузыри пускает ('икается')», «душа с богом разговаривает ('об отрыжке')», «крик души», «распалить душу», «накопилось на душе», «тянуть душу», «работать с душой», «растравить душу», «стоять над душой».

Это далеко не полный перечень образных употреблений слова «душа», но он позволяет говорить о яркой эмоциональной окраске

и отсутствии сдерживающих границ в функционировании данного концепта в семантической системе русского языка. В русском речевом поведении это слово широко представлено в метафоро-метонимических воплощениях, что говорит о стремлении носителей языка «закрепить за этой ненаблюдаемой сущностью вполне конкретные, ощущаемые или, по крайней мере, мыслимые свойства» [Михеев, 1999, с. 145].

Концепт «душа» в менталитете французов вербализуется в двух словах: «*âme*» (душа), «*cœur*» (сердце) (не считая: душа как единица населения – *habitant*, душа как человек – *personne* и душа как крепостной крестьянин – *serf*). Слово «*âme*» представлено в словаре следующим образом: 1. RELIG. Principe spirituel de l'homme, conçu comme séparable du corps, immortel et jugé par Dieu. 2. Un des deux principes composant l'homme, principe de la sensibilité et de la pensée. 3. Principe de la vie morale, conscience morale. 4. (Vx. en psychol.) Ensemble des fonctions psychiques et des états de conscience. 5. Principe de la vie végétative et sensitive. 6. Ensemble des états de conscience communs aux membres d'un groupe.

Слово «*cœur*» представлено следующим образом: 1. PAR METAPH. Le siège des sensations et émotions (du désir, de l'humeur, de l'affectivité, sentiments, passions) (метафорически – местонахождение чувств и эмоций, желаний, настроения, чувств, страстей) 2. La vie intérieure (внутренняя жизнь) [Le Nouveau Petit Robert, 1993].

Как видим, на первом месте у французов стоит религиозное значение слова «*âme*», а эквивалентом ядерного значения русского понятия «душа» является метафорическая ипостась слова «*cœur*». Как известно, в русском языковом сознании сердце – лишь орган чувств, а душа – внутренняя жизнь человека в целом [Урысон, 1995, с. 5].

Отмечается, что во французском языке слово «*âme*», являясь частью фразеологизмов, выступает как объект «технического производства» [Merle, 1997, с. 37]: *façonner l'âme* – приучить к чему-л. (букв. 'обрабатывать в соответствии с какой-то формой'), *mouler son âme sur qqn* – духовно сродниться с кем-то (букв. 'отливать в форму, формовать'), *petrisseur d'âme* – властитель дум (букв. 'месьщик теста').

Концепт «тоска» в сфере общественного сознания русских также занимает уникальное место. Лексема «тоска» представлено в словаре в следующих определениях: душевное томление, тревога в соединении с грустью, унынием. // Гнетущая, томительная скука. // Гнетущая скука, уныние, царящие где-л., вызываемые чем-л. Синонимы «тоски»: 1) печаль (грусть, горе, боль, скорбь, горесть, сокрушение; кручина (*народно-поэт.*); печалование (*уст. прост.*); 2) скука, скучища, тощища (*разг.*); тяготища (*прост.*) [мухи дохнут]. Сюда же можно добавить: уныние, грустное (или минорное) настроение, хандра, меланхолия, ипохондрия, депрессия; сплин, унылость; мерехлюндия (*уст. шутил.*).

В плане сопоставления национально-культурных характеристик концепта «тоска» уместно вспомнить пушкинские строки: Недуг, которого причину / Давно бы отыскать пора, / Подобный английскому сплину, / Короче: *русская хандра* / Им овладела понемногу; / Он застрелиться, слава богу, / Попробовать не захотел; / Но к жизни вовсе охладел (Пушкин).

Автор, похоже, говорит, что «русская хандра» (тоска) – это не «английский сплин» (тоска). У каждого народа своя «тоска», но «русская хандра» гораздо глубже и сильнее любой другой, да и к тому же, как отмечается в комментариях к роману, «байроническое разочарование Онегина» представляет собой «искусственную разочарованность, которой не обманешь того, кто умеет мыслить» [Лотман, 1983, с. 165]. В данном контексте «английскую» тоску можно рассматривать как родовое понятие «западной» тоски, в которую входит и «французская» тоска.

Для русского сознания понятие тоски связано с неопределенным чувством вины, что иронически может быть передано фразой: «Мне чего-то смутно жаль» или в современном варианте: «Хочется чего-то, а кого – не пойму». Иными словами, понятие тоски имеет довольно размытые денотативные координаты, что повышает его эмоционально-экспрессивный уровень.

Таким образом, русский концепт имеет яркую национально-культурную специфику и связан с возможностью реализовать (не реализовать) себя в соответствии с высшими моральными ценностями.

Во французской концептосфере понятие «тоска» репрезентируется следующим языковым материалом: *tristesse* (грусть), *angoisse* (тревога, страх), *cafard* (хандра), *spleen* (сплин), *ennui* (скука; досада). При этом семантические доли, передающие лексическое понятие при переводе на французский язык, лишь частично покрывают объем русского понятия «тоска». Французский концепт с точки зрения сферы употребления в большей степени связан с определенными эстетическими или медицинскими установками.

У французского поэта Бодлера есть серия из четырех стихотворений под общим названием «Spleen», которые в поэтической форме относительно точно передают французское эстетизирующее отношение к рассматриваемому психическому состоянию. Приведем в качестве иллюстрации первое и последнее четверостишия одного из стихотворений:

Слово «сплин» заимствовано Бодлером из английского языка в период его работы над переводами Эдгара По. Оно используется поэтом для передачи целого ряда ощущений, связанных с угнетенным состоянием лириче-

Quand le ciel bas et lourd pèse comme un couvercle Sur l'esprit gémissant en proie aux longs ennuis, Et que de l'horizon embrassant tout le cercle Il nous verse un jour noir plus triste que les nuits; [...] - Et de longs corbillards, sans tambours ni musique, Defilent lentement dans mon âme; l'Espoir, Vaincu, pleure, et l'Angoisse atroce, despotique, Sur mon crâne incline plante son drapeau noir (Baudelaire, <i>Spleen</i>).	Когда свинцовость туч нас окружает склепом, Когда не в силах дух унынье превозмочь, И мрачен горизонт, одетый черным крепом, И день становится печальнее, чем ночь; [...] Тогда в душе моей кладбищенские дроги Безжалостно влекут надежд погибших рой, И смертная тоска, встречая на пороге, Вонзает черный стяг в склоненный череп мой. (Перевод И. Чежеговой)
---	--

ского героя. У бодлеровского героя есть русская параллель, которая соотносится с понятием «лишнего человека», ярко представленного в классической русской литературе (Онегин, Печорин).

Термин «сплин» можно было бы заменить современным словом «маргинальность» (пограничное положение между социальными группами, накладывающее определенный от-

печаток на человеческую психику и поведение), и в этом смысле последнее наиболее точно передает французский концепт «тоска» (изысканный сплин, утонченная тоска).

Русский «лишний человек» живет в сплошном российском континууме, являясь его органической частью, но мечтающим и не имеющим сил из него вырваться. Французский маргинал, говоря словами Марселя Пруста, «дробит время» и уходит в эстетические дали своих внутренних построений, сохраняя лишь формально-социальные связи с национальным сообществом. «Русская» тоска по мировому идеалу не приемлема для француза, так как он с картезианской точностью знает, что такого идеала нет или, по крайней мере, абсолютно уверен в недостижимости последнего.

Итак, в концептосфере французского народа также существуют концепты «судьба», «душа» и «тоска», но они менее освоены основной массой франкофонов и не несут в себе такого же эмоционального заряда, как для русских. Они не являются ключевыми понятиями для французской культуры и вербализуются при помощи устойчивых выражений более узкой, часто технической (профессиональной), сферы употребления.

В русской этнокультурной формации сопоставляемые концепты выполняют формирующую, часто воспитательную функцию («душа обязана трудиться», «не оскверни свою душу, сынок»).

Сопоставительный анализ языковых репрезентаций концептов «судьба», «душа», «тоска» в двух языках позволяет сделать следующие выводы:

а) несмотря на частичное совпадение концептуальных стержней рассматриваемых понятий, периферийные зоны последних в двух языках не совпадают;

б) русский языковой материал имеет более широкий объем употребления, нежели французский;

в) прагматилистическая сфера использования рассматриваемых слов не совпадает и для русского языка касается в основном абсолютных ценностных характеристик и моральных суждений;

г) языковые воплощения данных понятий во французском языке жестко дифференци-

рованы и имеют точечную парадигму употребления;

д) для русского языка характерным является оценочный модус использования языкового материала, для французского он имеет нейтральные критерии употребления.

Итак, семантическое поле, лексический и коннотативный фон языкового материала, вербализующего исследуемые концепты во французском языке, представляется более редуцированным по сравнению с русским материалом.

В русском языке ярче выражена национально-культурная специфика рассматриваемых концептов, в частности, значительное количество лексических компонентов включает в себя реалии наивной мифологии русского народа: «покривить душой» (народная антиномия Правды и Кривды), «плюнуть в душу» (этимологически – осквернение святыни), «отводить душу» (от знахарских способов излечения «отводом» заговорами). Концепты «судьба» и «тоска» фразеологически представлены уже, нежели концепт «душа», но они тесно связаны с гнетущей зависимостью от неких высших сил и часто имеют антропоморфическую структуру (грусть-тоска меня съедает, судьба-злодейка). В этом проявляется определенная фатальность мышления русских, трагедия и обреченность земного существования.

Во французской лингвокультуре концепты «судьба», «душа», «тоска» представлены языковым материалом с нейтральным семиотическим фоном и обладают низкой степенью номинативной плотности. При этом их вербализация в языке представляется достаточно проблематичной (например, при переводе с иностранного языка), что позволяет говорить об их различии в значимости и месте в языковой картине двух народов. Рассмотренные концепты являются ключевыми для русской лингвокультурной общности, связанными с абсолютными моральными ценностями и специфической аксиологией их вербализации.

Сам факт немаркированной вербализации данных концептов во французском языке говорит об особом качестве французского менталитета: стремлении к пониманию объективного хода вещей, реалистичном оптимизме, отсутствии фатальности мышления.

Итак, общенациональные концепты являются единицами концептосферы народа и представляют собой стандартизированные образы, обработанные национальным сознанием, которые в ядерных признаках совпадают как в индивидуальном, так и в групповом аспектах на уровне формирования единых образных ассоциативных представлений [Попова, Стернин, 1999].

Мы предлагаем корпус французских концептов, отражающих наиболее характерные для французского этноса ассоциативные представления и образы и являющихся, по нашему мнению, ключевыми концептами национальной французской лингвокультуры. Рассматриваемые как культурогенный продукт, данные понятия практически невозможно адекватно перевести на другие иностранные языки, так как в иной когнитивно-коммуникативной парадигме такие концепты в полном объеме своего значения отсутствуют:

ENGAGEMENT (ОТВЕТСТВЕННОСТЬ)
PLAISIR ↔ BEAUTÉ ↔ VÉRITÉ
 (УДОВОЛЬСТВИЕ-КРАСОТА-ИСТИННОСТЬ)
ALTÉRITÉ (ИНАКОВОСТЬ)
PATRIMOINE (НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ)

По нашему мнению, данная модель наиболее полно передает стержневые конституэнты французской национальной концептосферы, обслуживающей языковое и коммуникативное поведение представителей рассматриваемого лингвокультурного сообщества. Представленные концепты рассматриваются нами в плане постановки перспективных задач и могут стать объектом изучения в будущих исследованиях.

Библиографический список

1. *Аскольдов-Алексеев, С. А.* Концепт и слово [Текст] / С. А. Аскольдов-Алексеев // Русская словесность: Антология. – М.: Академия, 1997. – С. 267–279.
2. *Бархударов, С. Г.* Словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / С. Г. Бархударов. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957–1961.
3. *Вежбицкая, А.* Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999.
4. *Лотман, Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий [Текст]: пособие для учителя / Ю. М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1983.
5. *Маковский, М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских язы-

- ках: Образы мира и миры образов [Текст] / М.М. Маковский. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996.
6. *Михеев, М.Ю.* Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) [Текст] / М.Ю. Михеев // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 145–163.
 7. *Попова, З.Д.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999.
 8. *Степанов, Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. – 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / Ю.С. Степанов – М. : Академ. проект, 2001.
 9. *Урысон, Е.В.* Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» [Текст] / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 3–36.
 10. *Уфимцева, Н.В.* Речевое воздействие: науч.-информ. бюллетень Воронежской риторической ассоциации, психолингвистической ассоциации [Текст] / Н.В. Уфимцева. – Воронеж : ВГУ, 2000. – Вып. 5.
 11. *Le Nouveau Petit Robert* [Текст]. – P. : Dictionnaires Le Robert, 1993.
 12. *Merle, P.* L'Argus des mots [Text]. – P. : L'Archipel, 1997.

УДК 16.31.41

ББК 80

Н. В. Тимко

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ТЕКСТА В ПЕРЕВОДЕ

Статья посвящена рассмотрению проблем перевода, связанных с передачей на русский язык культурной информации, имплицитно выраженной в английском тексте на уровне ценностных ориентаций, а также культурно обусловленных суждений и способов мышления. Исследуется культурная обусловленность передачи и восприятия текста, выделяются связанные с этим различные переводческие стратегии нейтрализации культурных различий при передаче содержания культурного характера.

Ключевые слова: культурная информация; культурное содержание текста; переводческие стратегии; национально-культурное своеобразие текста.

N.V. Timko

TRANSLATING THE CULTURE-BOUND SPECIFICS OF A TEXT

The article views the problems connected with the translation from English into Russian of culture-bound information implied by the source text on the level of value orientations, judgments and mentality. Also studied are the ways culture conditions the specifics of transmission and perception of a text. The article focuses on different translation and mediation strategies to deal with cultural differences in translation (elimination or explication).

Key words: culture-bound information; culture-bound content of text; translation strategies; cultural uniqueness of a text.

Культура как система верований, ценностных ориентаций, коммуникативных стратегий и когнитивного окружения, которые, собственно? и определяют основу поведения, разделяемую всеми членами определённой лингвокультурной общности, представляет собой существенный барьер на пути достижения эквивалентности в переводе, потому что даже если люди владеют одним и тем же языком, различия в их культурном опыте приводят к

сбою в коммуникации. Вот почему переводчики нового поколения в большей степени, чем прежде, концентрируются на достижении *взаимопонимания* в области культур, эффективности культурного диалога. «В узком смысле перевод – частная форма коммуникации, в широком смысле – то, что делает и диалог, и коммуникацию возможным» [Автономова, 2005, с. 652].